

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 4, 1974 июль — август

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Л. Е. Лопатина. Ценное наследство 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Державина. Язык художественной прозы
А. Н. Радищева 18

А. В. Никонов. Взгляды декабристов на развитие
русского литературного языка 27

В. В. Одинцов. Кто автор? 33

В. А. Плотникова. Безумных лет угасшее веселье 43

И. С. Ильинская. Незнакомые знакомцы 51

Н. И. Михайлова. Заметки о прозе Пушкина 59

Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского

Ю. С. Долгов. Метафора 64

И. И. Постникова. Олицетворение 68

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском
произношении 71

С. С. Плямоватая. Субпродукты 76

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Т. А. Тулина. С чем мы сравниваем? 81

В. П. Ковалев. Категория числа как выразительное
средство 85

Н. Н. Иванова. Отзвуки стиля Пушкина в поэзии
наших дней 89

БЕЗУМНЫХ ЛЕТ УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ...

Из наблюдений
над рукописями
Пушкина

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соответствия.

А. С. Пушкин
Отрывки из писем,
мысли и замечания

«Элегия» А. С. Пушкина «Безумных лет угасшее веселье» была написана в сентябре 1830 года в ту самую знаменитую Болдинскую осень, когда всего за тринадцать недель были созданы поэтом три главы «Евгения Онегина», все «Повести Белкина», «История села Горюхина», все «Маленькие трагедии» и около тридцати стихотворений.

Возникшая в Древней Греции как поэтический жанр элегия ко времени своего появления в русской литературе уже имела длительную историю. В конце XVIII века этот традиционный жанр в поэзии вообще, и в особенности в русской, претерпел значительные изменения. Возникла новая элегия с преобладанием чувства над рационализмом и поучительностью, с лирической темой, соответствующей индивидуальности автора. Так как в новой элегии преобладали описания печальных событий и грустные размышления, ее стали определять как «песню грустного содержания» (В. Г. Белинский). Модная в начале XIX века элегия, по словам Б. В. Томашевского, «не была богата разнообразием тем. Чувство меланхолии господствовало над прочими чувствами. Поэтому и темы были в ограниченном выборе. Разлука с возлюбленной, неразделенная любовь, чувство меланхолической ревности, скорбь об утраченной радости, мрачное уединение и „стенания“ на лоне природы в вечерний час, чувство угасающей юности и приближение безвременной смерти,

наслаждение в страданиях и печали — вот почти весь замкнутый круг элегических тем „унылого“ толка» (Б. Томашевский. Пушкин. Кн. I. М.—Л., 1956).

Читателям, наверное, известны следующие строки романа «Евгений Онегин», в которых Пушкин характеризует элегические темы своего персонажа — поэта Владимира Ленского:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы,
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы,
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.

Но несмотря на такую ироническую характеристику, сам поэт часто обращался к элегии. Пушкиным написано свыше пятидесяти стихотворений, которые в печати или в вариантах имели заголовки «Элегия», включались поэтом в сборниках в отделе элегий или назывались элегиями в письмах к друзьям. Правда, только за шестью из этих стихотворений Пушкин сохранил заголовки «Элегия», и в том числе за стихотворением «Безумных лет угасшее веселье». Об элегиях Пушкина писали почти все крупнейшие пушкинисты: Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Б. П. Городецкий, Г. А. Гукковский, Л. Я. Гинзбург, Н. В. Измайлов, Б. С. Мейлах, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и др. В самое последнее время Л. Г. Фришман уделил большое внимание элегиям Пушкина в своей брошюре «Жизнь лирического жанра» (М., 1973). В. Порудоминский и Н. Эйдельман рассматривали «Элегию» в ряду других сочинений, написанных в Болдине (Болдинская осень.— «Знание — сила», 1974, № 1), а Г. М. Фридлендер посвятил элегии «Безумных лет угасшее веселье» отдельную статью (сб. «Поэтический строй русской лирики». Л., 1973).

Напомним читателям текст этого прекрасного стихотворения.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

почему именно они способствовали совершенствованию «Элегии», ее смысловой и образной законченности и гармоничности. Наш этюд будет пояснительным комментарием, который можно предложить шобителѐям поэзии Пушкина, как результат сопоставления печатного текста стихотворения и его белого автографа. В ряде случаев предлагаемые нами мотивировки замен близки к мотивировкам, которые приводятся перечисленными выше авторами.

При сопоставлении мы пользуемся текстами издания: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949.

Первая строфа «Элегии»

Беловой автограф

Протекших лет безумное веселье
Мне тяжело как тяжкое похмелье
И как вино печаль минувших дней
В моей душе чем старе тем сильней.
Мой день уныл. Волнуемое море
Грядущего сулит мне труд и горе

Окончательный текст

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

В первом двустишии поэт, сохранив прилагательное *безумный*, делает его определением существительного *лет* (в беловом автографе оно определяло слово *веселье*; о подобных заменах определяемых смотрите статью в журнале «Русская речь», 1974, № 3). Общая оценка прошлого как волнений юности — *безумных лет* — заменяет собой конкретное указание автографа — *протекших лет*. Характеристика свойственного юности веселья метонимически переносится и распространяется на все молодые годы: *безумное веселье... лет* → *безумных лет... веселье*. Интересно отметить, что в вариантах других стихотворений, например в черновом продолжении стихотворения «Воспоминание» (Когда для смертного умолкнет шумный день), мы встречаемся с подобной же характеристикой юности:

**Я вижу в праздности, в безумстве и пирах
Свою потопленную младость.**

В «Элегии» поэт совсем отказался от конкретного определения *протекших (лет)*. В окончательном тексте отнесенность к прошлому обозначена типичной для жанра элегии метафорой — *угасшее веселье*. Во второй строке этого же двустишия прилагательное *тяжкое* заменено прилагательным *смутное* в значении «тревожное». Главную роль в этой замене, по-видимому, сыграло желание нейтрализовать прямое значение слова *похмелье* и, освободив стих от

возможных ассоциаций с состоянием похмелья, усилить ассоциации с душевной тревогой, беспокойством. Этому должна была способствовать и звуковая сторона. Требуемое размером (ямб) ударение на *у* при следующей безударной стопе — как *смутное похмелье* [у' | у | у' | у] — как бы удлиняло звук *у*, нагнетая ощущение смятенности. Этим же приемом нагнетания определенного настроения при помощи «удлинения» или повторения звуков Пушкин еще раз воспользуется при правке «Элегии», заменив в третьем двустопии слово *день* словом *путь*: *Мой путь уныл*. (Смотрите рассуждения о строке стихотворения Пушкина «Поэт» в книге С. В. Шервинского «Ритм и смысл», М., 1961). Смысловые и эмоциональные оттенки в результате замены слов *тяжкое* на *смутное* мы считаем более существенными, чем только стремление поэта освободиться от неблагозвучного повторения однокорневых слов (хотя, конечно, и оно имело место). Известно, что Пушкин не отказывался от подобных повторений, если они отвечали поэтическому замыслу. В этом отношении интересна поправка, внесенная поэтом в стихотворение «Предчувствие» в издании 1829 года по сравнению с изданием 1828 года.

Текст 1828 года

Шаткой жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:

Текст 1829 года

Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:

Во втором двустопии «Элегии» поэт заменил союз *и* союзом *но*: *И как вино* → *Но как вино*. Несмотря на кажущуюся незначительность, эта замена очень существенна. Она вносит в содержание первого четверостишия элемент драматизма. Элегически спокойное повествование о том, что воспоминание о прошлом печально и эта печаль с годами не проходит, прервано противопоставлением. Союз *но* как синтаксически, так и эмоционально видоизменяет четверостишие. Неожиданностью противопоставления, его неподготовленностью содержанием предыдущего двустопия, поэт дает понять, что его печаль безысходна и что со временем она не только не пройдет, но и не может пройти.

Основу содержания третьего двустопия в беловом автографе составляет сопоставление настоящего мгновения: — *мой день уныл* — с тем, что ожидает поэта в будущем: *Волжское море // Грядущего сулит мне гряд и горе*. Пушкин заменяет в первом предложении слово *день* словом *путь* и меняет во втором предложении прямой порядок слов, где подлежащее помещено перед сказуемым — *море сулит*, а имя в родительном падеже следует за тем словом, от которого оно зависит — *море грядущего*, на непрямой

мой, или инверсированный — *сулит море и грядущего море*. Заменой слова *день* словом *путь* снимается как определенность сопоставления, так и само сопоставление. Частная ситуация обобщается, конкретный день — *мой день* — становится поэтической судьбой — *мой путь*. Заменой прямого порядка слов, который сообщал двустипию прозаическую интонацию, на инверсированный Пушкин достигал большей смысловой и ритмической его четкости.

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Вторая строфа «Элегии»

Беловой автограф

Но не хочу я, други, умирать.
Я жить хочу чтоб мыслить и мечтать
И ведаю: мне будут наслажденья
Средь горестей, забот и треволненья
Порою вновь гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И ты любовь на мой закат печальный
Проглянешь вновь улыбкою прощальной.

Окончательный текст

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Первый стих второй строфы имел еще один вариант помимо приведенного, от которого Пушкин также отказался: *Но не хочу еще я умирать*. В окончательном тексте поэт усиливает обращение введением междометия *о*, подчеркивая тем обязательность акцентного выделения слова *други*: *Но не хочу, о други, умирать*. В первых двух вариантах стих не имел такого четкого членения. Близкое повторение местоимения *я*, казалось бы усиливающее противопоставление: *Но не хочу я ... умирать* / *Я жить хочу*, на самом деле этой функции не несло, так как на него не падало ударения. Дважды местоимение употреблено в первом (безударном) слоге ямба. Поэт отказывается и от слова *еще*, вносящего в высказывание временной оттенок. Стих *Не хочу еще я умирать* мог быть понят двусмысленно: пока еще не хочу умирать, — а такое понимание, очевидно, не отвечало замыслу поэта.

Во втором стихе элегический глагол *мечтать* заменяется глаголом *страдать*. Объединение двух слов, называющих совершенно разные не имеющие ничего общего, действия или состояния, вообще встречающееся у Пушкина, например в стихотворении «На

рекликающаяся по своему настроению с лирическими строками других стихотворений Пушкина, таких как «Предчувствие» или «На холмах Грузии лежит ночная мгла» с его удивительным по эмоциональной силе стихом: *Мне грустно и легко; Печаль моя светла* (см. об этом: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. 1826—1830 гг.).

Итак, мы можем с уверенностью утверждать, что все поправки Пушкина в его работе над «Элегией» связаны с изменением содержания стихотворения, с его последовательной обобщенностью и символизацией. Конкретная ситуация — размышление о прошлом, настоящем и будущем превращается в драматическое повествование-обобщение. Две строфы стихотворения в соответствии с правилами русской элегии начала XIX века предстают перед читателем как «взволнованный монолог поэта», «страницы одного романа, отдельные сцены одной драмы» (см.: Б. Томашевский. Пушкин. Кн. I). Обобщенный характер и символическую образность повествованию придают лексические замены и отказ от конкретных определений в пользу эпитетов-метонимий и метафор. Драматизм и напряженность сообщают «Элегии» синтаксические противопоставления и объединения далеких по своему лексическому значению слов. При всех семантических и экспрессивных заменах поэт не забывает и о ритмо-мелодической стройности и завершенности поэтического произведения. Все поправки находятся в строгом соответствии с чувством соразмерности и сообразности лексических, грамматических и ритмических элементов, с идейно-художественным единством всего стихотворения.

В. А. ПЛОТНИКОВА

«Я давно мечтал изучить великий русский язык, и сейчас по-русски читал газеты, в которых сообщалось об исторической миссии мира Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева». Так сказал Ашим Кумар Сен Гупта, юноша из Бангладеш, завершивший учебу на подготовительном факультете для иностранных граждан Азербайджанского института нефти и химии имени М. Азизбекова.

Вместе с ним успешно закончили курс обучения около 300 иностранных студентов — пред-

ставители 39 социалистических и развивающихся стран. Курс обучения на подготовительном факультете впервые завершили студенты из Панамы, Руанды, Бурунди, Доминиканской Республики, Намибии, Верхней Вольты и ряда других государств. За время обучения посланцы зарубежных стран получили необходимые знания по русскому языку, которые позволят им продолжить учебу в вузах нашей страны, в том числе и Азербайджана.

«Бакинский рабочий»,
8 июля 1973